

Гамлетизированные поросята

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

OCR [Бычков М. Н.](#)

Говоря о многочисленности и разнообразии характера Гамлета, Маудсли замечает: "При откровенном признании со стороны сочувствующего читателя оказалось бы, по всей вероятности, что он считает самого себя настоящим Гамлетом; неудивительно, что, по его мнению, он всего более и способен понять этот характер"¹. В этом замечании много правды, и самая интересная правда состоит в том, что действительно многим, слишком многим людям кажется, что они удивительно похожи на знаменитого датского принца; едва ли даже найдется более счастливый в этом отношении литературный тип. Отчасти это объясняется, конечно, художественным гением Шекспира, который воплотил в Гамлете широко распространенные черты человеческого духа. Но с этим объяснением едва ли согласятся все действительные Гамлеты и воображающие себя таковыми. Напротив, они склонны выделять себя из большинства людей, считать себя чем-то особенным, совмещающим именно редкостные, наименее распространенные черты человеческого духа. Значит, Гамлет обаятелен для них совсем не теми своими сторонами, которые попадают на каждом шагу, чуть не в каждом человеке, только в различных пропорциях. Да наконец, объяснение и само по себе не полно. В Фальстафе ведь тоже воплощены широко распространенные черты, однако что-то мало охотников быть или казаться Фальстафом. Который, если и буквальное повторение Фальстафа собою представляет, так и то не признает своего с ним сходства и, может быть, именно Гамлетом рисуется в собственных мечтаниях или перед другими желал бы рисоваться. Дело понятное. Одна из самых распространенных слабостей человеческой натуры состоит в более или менее высоком о себе мнении, и так как Фальстаф есть старая, переполненная всяким свинством бочка, то ни у кого нет охоты узнать себя в таком зеркале. Гамлет совсем другое дело. Надо только узнать, какие именно черты его характера делают его героем, предметом удивления, поклонения, подражания для множества людей, иногда мелких, как мелкая тарелка, а иногда по крайней мере очень неглупых.

Когда человека приятно щекочет сознание сходства или только праздная мечта о сходстве с каким-нибудь баловнем счастья, вся жизнь которого есть ряд успехов, то тут нет ничего удивительного. Всякому счастья хочется, а успехи и победы, цветочные гирлянды и лавровые венки -- все ведь это внешние выражения, атрибуты счастья, за которыми истинного счастья нет, может быть, ни капли, но которые по наглядности своей издревле составляют предмет мечтаний огромного большинства людей. Гамлет не может служить объектом таких элементарных и грубых мечтаний. Он не Иван-царевич, которому достались и жар-птица, и царь-девица; не Аника-воин, что на белом коне скакал, врагов устрасал; не Чурило Пленкович, на которого красные девушки и старые старушки глядели -- наглядеться не могли. И во всех других смыслах он отнюдь не баловень счастья. Правда, он принц и наследник датского престола (устраненный, впрочем, от трона преступлением дяди); но не розы и лавры, а тернии, острые, колючие, душу раздирающие тернии венчают его на жизненном пути. Измена, предательство, холопство, лицемерие, низость, пошлость, подлость -- вот что он видит кругом себя. И видит не в качестве постороннего зрителя, прямо не задеваемого развивающеюся в его присутствии игрою всяческих гнусностей. Нет, он стоит в самом центре этой игры и на себе выносит все ее случайности и намеренности: дышит нравственно отравленным воздухом и умирает от удара отравленной рапирой. Чему же тут завидовать? об чем мечтать?

Но пусть судьба или так называемые ближние безжалостно пытаются Гамлета. Быть может, острие вонзающихся в него терний тупится об сознание исполненного долга, и это сознание не только облегчает его участь, а придает, кроме того, такое величие его фигуре, что здесь-то и надо искать причины указанного Маудсли явления. Нет, этого не может быть. Именно отсутствие сознания исполненного долга и характерно для Гамлета. Он в течение пяти актов все собирается исполнить то, что считает своим долгом, делом чести и совести, и только за несколько секунд до своей смерти исполняет его наконец, но и то случайно и двусмысленно: собственно говоря, уже не за отца своего он мстит, а за самого себя, изменнически убитого. Весь внутренний интерес драмы в том и состоит, что человек, имеющий полную возможность сто раз исполнить свой долг (или то, что он считает своим долгом), постоянно колеблется,